

А. И. РОЗАНОВ

Николай Гаврилович Чернышевский

Николай Гаврилович Чернышевский — сын саратовского протоиерея, градского благочинного и члена консистории Гавриила Ивановича Чернышевского, человека весьма умного, доброго и всеми любимого. Мало встречается в жизни людей, которые пользовались бы таким всеобщим уважением, как отец Николая Гавриловича. Мать Николая Гавриловича была родною теткою известного уважаемого писателя и ученого А. Н. Пыпина; поэтому Чернышевский и А. Н. Пыпин двоюродные братья.

Николай Гаврилович родился в 1828 году и был единственным сыном у своих родителей ¹. До 14-летнего возраста его готовили учителя гимназии и семинарии ²; в 1842 году, 14 лет, он поступил в семинарию; в том же году и в этот же класс поступил и я. Таким образом, Николай Гаврилович сделался моим товарищем по семинарии.

В это время он был несколько более среднего росту, с необыкновенно нежным, женственным лицом; волосы светло желтые, но волнистые, мягкие и красивые; голос его был тихий, речь приятная, вообще это был юноша, как самая скромная, симпатичная и невольно располагающая к себе девушка. К его несчастью, он был крайне близорук: книгу или тетрадь он держал всегда у самых глаз, а писал всегда наклонившись к самому столу.

Научные сведения его были необыкновенно велики: он знал языки латинский, греческий, еврейский, французский, немецкий, польский и английский ³. Начитанность была необыкновенная. Между нашими преподавателями был некто Гавриил Степанович Воскресенский, здравствующий, кажется, и теперь еще (1880 г.). Это был человек жестокий до зверства, но как преподаватель — лучший в семинарии ⁴. Как знатоку своего дела,

ему кличку дали: Зодка. Иначе его, конечно, за глаза никто не звал, как Зодка. Заговорит, бывало, о чем-нибудь Гавриил Степанович и спросит: не читал ли кто-нибудь об этом? — все или молчат, или ответят, что не читали. «Ну, а вы, Чернышевский, читали?» — спросит он. В то время как Воскресенский говорил и спрашивал, Чернышевский, по обыкновению, писал что-нибудь. Во время класса, при наставниках, он всегда делал выписки из лексиконов, это было его обыкновенное и непреходящее занятие. Пишет Чернышевский, учитель спросит его и не повторяет вопроса; тот встает и начинает: «Германский писатель NN говорит об этом... французский... английский»... Слушаешь, бывало, и не можешь понять: откуда человек набрал столько сведений! И так всегда: коль скоро о чем-нибудь не знает никто, то и берутся за Чернышевского, а тот знает уже непременно. Многосторонность знаний и обширностью сведений по Священному писанию, всеобщей гражданской истории, логике, психологии, литературе, истории, философии и пр. он поражал всех нас. Наставники наши считали удовольствием поговорить с ним, как с человеком, вполне уже развитым.

Воскресенский преподавал, между прочим, Священное писание и латинский язык. В классе латинского языка он доходил, положительно, до бешенства: тут он кричал, метался, ругался и бил чем ни попало и где ни попало. Библии и лексиконы он избивал о головы учеников в лохмотья. Изобьет лексикон, схватит в кулак листа три и начнет бить в рыло: «На, жри, жри, пес, жри, пес!» Поэтому пред латинским классом мы все дрожали. В этом состоянии единственным и неутомимым помощником, по крайней мере, для половины класса учеников, был Николай Гаврилович. Классы разделялись на дообеденные и послеобеденные. Латинский язык был после обеда. Николай Гаврилович приходил в класс раньше нарочито, чем было то нужно, и с товарищами занимался переводом. Подойдет группа человек в 5–10, он переведет трудные места и объяснит; только что отойдет эта — подходит другая, там третья и т. д., а там: то из одного угла кричат: «Чернышевский! Почему здесь стоит *supinum*?⁵» или что-нибудь в этом роде, то из другого: «Какое значение дать здесь слову?»... И не было случая, чтобы Чернышевский выразил, хоть бы полусловом, свое неудовольствие, что ему надоели, хотя надоесть было кому: в классе было более 100 человек, и половина класса, наверно, обращалась к его помощи.

Классные комнаты у нас по зимам не топились, оконные рамы были одни, двери разбиты, — и холод в классе невыносимый. Единственным средством отогреться было повозиться, побороться, подраться в кулачки. Комнаты были огромные, народу пропасть, все возятся, — а Чернышевский засядет в угол, смотрит и улыбается. Вытащат и его — начнет и он бороться. Нередко случалось, что когда он уставал, то борцы возьмут его на руки и с почетом отнесут его опять на свое место. При наставниках же он всегда садился первым за передней партой.

Курсы в семинариях были двухгодичные. Н. Г. Чернышевский пробыл один курс в низшем отделении — два года, один год в среднем отделении, вышел из семинарии и поступил в университет. В семинарии был он всего три года ⁶.

Раза три или четыре он присылал из Петербурга письма всем бывшим своим товарищам. В одном большом пакете он присылал небольшие записочки каждому особо поименно и непременно скажет каждому какую-нибудь особенность, характеризующую его: одного спросит, много ли выпил водки за последние месяцы, другого — сколько раз Синайский ⁷ побил, третьему, готовящемуся в университет, укажет на какие-нибудь книги. Несколько писем присылал и общих всему классу. Тут он писал о себе и о том, на что особенно должны обращать внимание готовящиеся в университет или Медико-хирургическую академию. Университетские каникулы начинались раньше, чем в семинариях, поэтому Н. Г. Чернышевский, приезжая на каникулы домой, заставлял нас еще в Саратове. На другой же день он приходил в семинарию и дружески целовался со всеми; расспрашивал и рассказывал, как родной брат, и непременно всех, человек по 6–10, водил к себе в дом напоить чаем и побеседовать. Некоторых приглашал он раза по три и больше.

В то время когда Н. Г. Чернышевский был потом учителем в Саратовской гимназии, в Саратове проживал Н. И. Костомаров ⁸. Чернышевский был с ним в самых дружественных отношениях. А так как достоуважаемый всей Россией историк Н. И. Костомаров слыл в нашем Саратове, бог весть чего ради, за человека крайних политических убеждений, то дружба с ним много повредила Н. Г. Чернышевскому в глазах гимназического начальства.

В то время как Н. Г. Чернышевский был учителем в Саратовской гимназии, его матушка скончалась.

По отъезде в Петербург отец Николая Гавриловича остался один и вскоре переведен был от приходской своей церкви (Сергиевской) на место кафедрального протоиерея.

В одном доме однажды за многолюдным обедом ректор семинарии спросил достопочтенного о. Гавриила на весь народ: «Правда ли, отец протоиерей, что Николай Гаврилович посажен в крепость и приговорен уже к казни?» Гавриил Иванович едва мог проговорить «не знаю», но тотчас же уехал домой и на другой день — помер⁹. Гавриил Иванович был мужчина полный и умер от удара. Николай Гаврилович был в это время действительно арестован.

Говоря о Н.Г.Чернышевском, мне нет дела ни до его личных политических убеждений, ни до «глубокого внутреннего убеждения» сената (1864 г.) и ни до чьего бы то ни было убеждения.

Я говорю о Николае Гавриловиче только как о товарище моей юности, и говорю, что это был умный, кроткий, добрый, любящий и всеми любимый товарищ.

